

РЕЦЕНЗИЯ

на научно-квалификационную работу, выполненную в Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, аспирантки третьего курса, обучающейся по направлению «Языкознание и литературоведение», по специальности 10.02.03 «славянские языки», очной формы обучения

ГЛЕБОВОЙ Дарьи Сергеевны

по теме

Нарративный модус в историографических памятниках Древней Руси и Древней Скандинавии

Научно-квалификационная работа Д. С. Глебовой, суммирующая результаты исследований, проведенных ею за время обучения в аспирантуре, представляет собой самостоятельное и профессионально исполненное научное сочинение на чрезвычайно актуальную тему. Работа посвящена нарративному модусу памятников раннего историописания Древней Руси и Скандинавии или, иначе говоря, тому, как нарраторы летописи и саги рассказывают свои истории. Хотя сопоставительное изучение этих жанров средневековой европейской словесности имеет уже длительную традицию, Д.С.Глебовой безусловно удалось нащупать свой оригинальный подход к этой почтенной тематике. Работа имеет подзаголовок «отрывок», и она действительно посвящена лишь одному из аспектов обозначенной в названии темы, однако аспект этот чрезвычайно важен и до работы Д. С. Глебовой по существу не становился предметом специального изучения. Речь идет о специфике трансмиссии летописи и саги, которую Д. С. Глебова с полным основанием трактует как органическую часть истории текста, процесс, в ходе которого текст видоизменяется, «мутирует», обростает новыми смыслами, и эти изменения являются продолжением истории формирования текстов (поскольку и летописи и саги представляют собой памятники сложного состава) и истории тех устных нарративов, к которым они в большей или меньшей степени восходят. Область, в которой оперирует Д. С., находится на стыке текстологии и поэтики, и, чтобы, предпринять свое исследование, автору потребовалось основательно изучить обширную литературу, посвященную этим сферам древнерусской и древнескандинавской филологии. Плодом этих занятий стала первая глава НКР, представляющая собой обширный и концептуально насыщенный очерк истории изучения древнерусских летописей и скандинавских саг как

памятников «открытой» текстологической традиции. Рассматривая сквозь призму трансмиссии смену научных парадигм в этой области, автор параллельно очерчивает круг методов, используемых в дальнейшем анализе. Сразу замечу, что работа вообще обладает хорошо выстроенной композицией, ее главы и разделы органично продолжают друг друга.

Во второй, центральной главе НКР рассматриваются различные формы трансмиссии средневекового исторического нарратива, выделяемые на материале текстов начального древнерусского летописания и исландских королевских саг. На древнерусском материале эти формы выявляются путем сопоставления избранных фрагментов начальной летописи в ее двух версиях, отраженных в Повести временных лет и Новгородской первой летописи. Это сопоставление потребовало от автора детальной проработки текстологической стороны дела: поскольку и ПВЛ, и НПЛ дошли в списках, нужно было отделить вариацию между списками в передачи их протографов от вариации между самими протографами. Д. С. Глебова подошла к этой задаче со всей необходимой дотошностью, что сообщает ее анализу высокую степень надежности.

Д. С. Глебова выделяет три типа трансмиссии исторического нарратива: близкое копирование, «сужение/расширение» с привлечением дополнительных источников и пересказ-изложение. Из этих трех форм преимущественное внимание уделено последней, до сих пор не привлекавшей к себе должного внимания. В тексте начальной летописи этот особый модус воспроизведения текста источника проявляется в рассказе о новгородских событиях 1016 г., резко выделяя данный эпизод на фоне остального повествования. Подробное сопоставление двух версий эпизода с точки зрения техники пересказа, приводит автора к предположению, что смена модуса трансмиссии явилась следствием включения в повествование темы убийства Бориса и Глеба. Подобные переходы от модуса близкого копирования к модусу пересказа автор выявляет и в тексте «Круга Земного», показывая, что и у Снорри Стурлусона такие переключения связаны с введением в текст новых смысловых акцентов и новой информации. Сопоставительное исследование позволяет в данном случае прийти к выводу, значимому для истории сложения текста начальной летописи.

В третьей главе разработанная методика анализа вариации применяется к анализу скандинавских родовых саг, представленных «Сагой о Бьёрне». Как показывает Д. С. Глебова, две основных версии саги связаны между собой той же стратегией пересказа-изложения, которая во второй главе была исследована на материале текстов начального летописания и королевских саг. Обнаруживаются и сходные содержательные основания,

мотивирующие выбор именно этого модуса трансмиссии – стремление нарратора сделать более выпуклыми и наглядными образы протагонистов саги.

Переходя к замечаниям, я должен сказать, во-первых, что могу критически оценить только «древнерусскую» часть работы, и, во-вторых, что большую часть имевшихся у меня замечаний я уже имел возможность высказать ранее, консультируя Д. С. Глебову в ходе подготовки ею статьи, недавно опубликованной в «Славяноведении». Поэтому замечаний у меня немного, а более или менее существенных всего два.

Первое относится к тому понятию «остова», который Д. С. использует, анализируя модус пересказа. Под остовом в работе понимается тот словесный и смысловой каркас, который вновь создаваемый текст наследует из текста источника, определенным образом модифицируя его. Наряду с этим понятием Д. С. активно оперирует сочетанием «идентичный текст», и иногда складывается впечатление, что эти понятия смешиваются. Вот несколько цитат: «идентичный текст формирует «остов», внутри которого происходят изменения»; «остов» из идентичного текста может быть подвержен синтаксической перестройке», «В остальном же Снорри воспроизвел «Обзор» по принципу пересказа, т.е. оставив остов из идентичного текста и изменив его элементы на синонимические параллельные варианты». Мне кажется, что имело бы смысл эксплицитно противопоставить эти понятия как разноуровневые, отдельно рассматривая совпадение смысловых структур сопоставляемых текстов и их словесных оболочек. По существу, Д.С. именно так и поступает, размечая сравниваемые фрагменты и выделяя словесные совпадения в пределах «остова», но на уровне формулировок, описывающих эту форму трансмиссии, данное противопоставление хотелось бы видеть проведенным более отчетливо.

Второе замечание носит более конкретный характер и касается экскурса 1 ко второй главе, в котором сопоставляются знаменитый эпизод сватовства Владимира к Рогнеде из ПВЛ и его реплика в статье 1128 г. Лаврентьевской летописи. С точки зрения содержания эти пассажи были подробно сопоставлены А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским. Д. С. Глебова привлекает этот эпизод как еще один пример модуса пересказа, показывая, как внесение в воспроизводимый текст новых смысловых акцентов сказывается на характере воспроизведения текста в целом. Мое замечание касается тех новых смыслов, которые лаврентьевский летописец внес в этот рассказ. Д. С. подчеркивает, что составитель рассказа 1128 г. делает особый акцент на мотивации действий Владимира, добавляя отсутствующие в ПВЛ слова: «слышавше же Володимеръ разгнѣвася w тои рѣчи wже рече не хочю я за робичича, *пожалиси Добрына и исполнися ярости*». Однако выделенные слова относятся не к Владимиру, а к Добрыне. Выше Д.С. отмечает что

формулу сватовства Владимира, переданная в ПВЛ как его прямая речь («хочю пояти тьчерь твою собѣ женѣ») составитель рассказа 1128 г. переделывает в косвенную речь Добрыни: «и проси оу него дщере [его] за Володимера». Однако косвенной речи здесь нет, а есть изменение обрядовых ролей: в ПВЛ Владимира сватается сам, в Лавр. его сватает Добрыня. В этот ряд вписывается и еще одно изменение, которое отмечает Д. С.: об одержанной победе над Рогволодом сказано в двойственном числе («и побѣдиста Рогволода») то есть явно имеются в виду Владимир и Добрыня. Полагаю поэтому, что главной содержательной инноваций в статье 1128 г. Лаврентьевской летописи является выдвижение на первый план Добрыни и, соответственно, известное принижение Владимира как «детского», чем подготавливается последующее развитие сюжета, в кульминации которого Владимир пасует перед выступившим против него с мечем собственным малолетним сыном. Это увеличение нарративного «веса» Добрыни за счет Владимира как импульс, «включающий» режим пересказа, напоминает то, как сама Д. С. описывает вероятную причину использования этой стратегии в «Саге о Бьёрне», где имеет место «стратегия принижения Торда на фоне возвышения Бьёрна».

В целом научно-квалификационная работа Д. С. Глебовой безусловно соответствует требованиям, предъявляемым к этому жанру. Это самостоятельное и оригинальное исследование, подтверждающее квалификацию автора сразу в двух областях медиевистики. В ходе дальнейшей работы имело бы смысл, сохранив без изменения общую композицию текста, расширить имеющиеся главы за счет нового материала и более детальной проработки теоретических аспектов. Это относится в первую очередь к предлагаемой типологии форм трансмиссии, которая пока выглядит скорее сконструированной ad hoc, применительно к конкретному использованному материалу, чем отражающей весь спектр возможностей (таких, например, как редактурa, переводящая текст в иной языковой регистр).

Главный научный сотрудник
Отдела типологии и сравнительного языкознания
Института славяноведения РАН,
чл.-корр. РАН, доктор филологических наук

А. А. Гиппиус

ВЕРНО:
Заведующая Кадрами
Л. И. Киселева
22 сентября 2020

